

СВЕРХЗРЕНИЕ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ ФЕВРАЛЯ

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной

русской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Главный редактор издательства «Альпина. Проза».

ДОНАТО НАРРИЗИ, «ДОМ ОГНЕЙ» («АЗБУКА»)

Дonato Нарриззи — признанный мастер саспенса, хоррора и психологической прозы. Пишет много, переводится активно, поклонники творчества не обделены издательским вниманием. «Дом огней» — третья книга цикла про детского психолога и гипнотизера Пьетро Джербера. И это такой стопроцентный Нарриззи, что даже слегка разочаровывает: как с блокбастерами — сделайте нам точно такой же, только другой. Но не слишком другой, чтобы все-таки точно такой же. Джербер снова утомлен и в раздрае, не хочет и боится браться за сложные дела, подозревает себя в легкой неадекватности, но все-таки соглашается поработать с маленькой девочкой Эвой, воображаемый друг которой нашептывает ей историю-триггер из детства самого Пьетро: историю о пропаже его пятилетнего друга. Мальчика тогда так и не нашли, и этот случай стал причиной распада неразлучной детской компании. Эва, конечно, знать этого случая не может, но под гипнозом раз за разом выдает новые подробности дела, не втянувшись в которое гипнотизер совершенно не в состоянии.

В общем, это снова очень захватывающе, нуарно и тревожно, и это снова личное дело психолога и его отца. Кажется, семейных тайн психолога у Нарриззи припасено на десяток-другой романов. Что же тут? Точно не лучший роман писателя, и его поклонники, скорее всего, в какой-то момент разгадают узловую загадку, но в жизни нашей в последнее время так много нового, что в наном-то смысле старые добрые приемы и герои нам просто необходимы.

«Ты нашел свою красивую ручку.

Хоть он и был убежден, что Эва — искусная лгунья, история с авто-ручкой заронила в нем сомнения.

Джербер вспомнил, как Майя спросила, можно ли из поведения девочки заключить, что ее странности объясняются чем-то еще, кроме шизофрении.

Тон, каким был задан этот вопрос, ему не понравился – она будто хотела намекнуть, что есть некая причина, ускользающая от его понимания.

– Что случилось? – спросила девушка, выводя его из задумчивости. – Я что-то не то сказала?

Он хотел бы признаться, что, наверное, не в силах помочь Эве, ибо сначала Ханна Холл, а потом сказочник отняли у него уверенность в себе, а заодно и целые фрагменты его жизни. Сначала он потерял жену и сына, потом и все остальное».

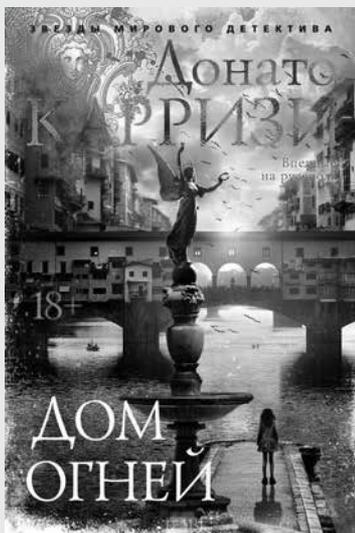
ЭРНАН ДИАЗ, «ДОВЕРИЕ» («СТРОНИ»)

Роман о власти капитала и взаимоотношениях в семье, ставший лауреатом Пулитцеровской премии и Премии Ниркуса, лонг-листер Бунера и премии Джойс Нэрол Оутс.

Ревущие двадцатые, укрепление американского фондового рынка, кризис 1929-го, а еще история выдающегося финансиста и его жены, которой принадлежит крупнейший благотворительный фонд (которому многим обязана классическая музыка и другие искусства, а также некоторые научные достижения). Четыре рассказчика разной степени ненадежности, четыре взгляда на одну историю, которые выглядят совершенно отдельными. Обычно далее в отзывах следует: «и только в конце читатель поймет, какая история подлинная», — но здесь нет этой однозначности и финальной предзаданности, хотя симпатии автора довольно очевидны. Первая история — художественный роман, в котором за вымышленным именем узнал себя и свою жену Милдред мультимиллионер Эндрю Бивел и с которым он борется до конца своей жизни. Вторая — попытка мемуаров Бивела, очевидно неудавшаяся, поэтому появилась третья: история секретарши-литзаписчицы, которой предстоит оформить скачущие мысли бизнесмена в книгу. Наконец, четвертая — случайно найденный дневник последних дней Милдред, который делает не самый неожиданный, но весьма убедительный сюжетный финт.

Многослойный и удивительный в своей ясности роман, от которого действительно трудно оторваться. Это роман о постправде — вроде бы столетней давности, но на самом деле, конечно, вполне современной. Как творится личный и государственный миф в эпоху правдоподобия, главенствующего над правдой? Автор пытается понять, слагается ли объективность из суммы субъективностей, и приходит вместе с читателем к отрицательному ответу. Множество неправд и полуправд не рожают одной правды, несколько ненадежных рассказчиков не равны одному надежному. И главным незадачным вопросом в конце концов оказывается вопрос, кому и чему можно доверять в мире симулякров и символов. Достаточно ли хорошо мы знаем людей, с которыми живем под одной крышей? И на что каждый из нас готов, чтобы сотворить устраивающий нас миф о себе?

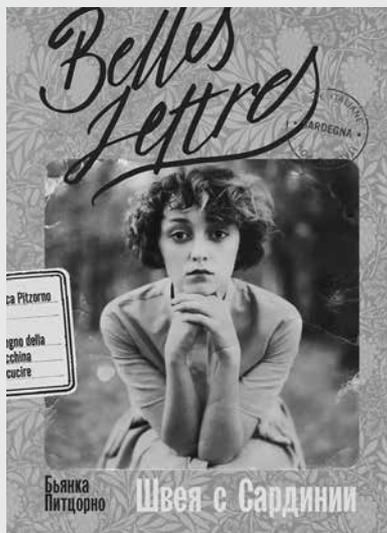
«Отец гордился тем, что его ремесло уходило в прошлое. Он набирал текст вручную и смотрел свысока на новые наборные машины. Так теряется человеческое участие, говорил он. Линотип и все прочие машины отнимали душу у страницы. Он всегда говорил, помахивая руками, точно дирижер, что раньше каждую строку исполняли. И непременно добавлял, чтобы слушатель наверняка уловил параллель с музыкой, что строки были мелодиями. Теперь же никакого таланта не требовалось. Бери и вставляй без всякого чувства

литеры и слова в верстатку. Отец был еще достаточно молод, когда появилась эта новая технология, и легко мог бы ее освоить. Но отказался. Чтобы человек стал машиной при машине? Ну уж дудки».

БЬЯНКА ПИТЦОРНО, «ШВЕЯ С САРДИНИИ» (BELLES LETTRES)

Сардиния, начало XX вена. История, рассказанная очень рано осиротевшей девочкой, которую воспитала бабушка, работавшая швеей. Она обучила героиню (остающуюся неназванной на протяжении всего романа) ремеслу, оно не сулило больших денег, но даровало главное, чем мог похвастаться мало кто из женщин того времени, — свободу и независимость. Девочка взрослеет, мечтает о швейной машинке и наконец получает ее, работает не покладая рук и наблюдает жизнь разных социальных слоев. Бьянка Питцорно — автор в статусе живого итальянского классика, тем не менее русскоязычный читатель до этого романа был знаком исключительно с ее детскими книгами. Теперь же перед нами история женской эмансипации начала прошлого столетия, когда услугами приходящих портних пользовались в семьях очень разного достатка. Швея таким образом становится свидетельницей, наблюдательницей, фиксирующей события чужих жизней (подготовка к свадьбе, рождение детей, важные события), но героиня Питцорно отказывается быть просто свидетельницей, она антор, берущая на себя ответственность за собственную жизнь. Она способна на сочувствие и помощь, она умеет дружить и любить. Вопреки трудным жизненным обстоятельствам (или благодаря им) она сохраняет в себе важные человеческие качества, чувство собственного достоинства и способность на искренние чувства. Но не только главная героиня, но и целый ряд других рисуются Питцорно как сильные и яркие личности,

не поддающиеся обстоятельствам, но бросающие им вызов. И пусть не всегда побеждающие, но не отказывающиеся от мечты: неслучайно оригинальное название романа «Мечта о швейной машинке». Машинка тут, конечно, лишь инструмент и символ независимости, а вот «мечта» в самых разных своих проявлениях становится главной темой романа.

«Мисс не беспокоилась об элегантности, не гналась за модой и даже в разгар сезона частенько выходила из дома без шляпы; в отличие от прочих дам она не пыталась сберечь цвет лица и никогда не пряталась от солнца под зонтиком – напротив, к середине лета была уже дочерна загорелой, словно какая-нибудь крестьянка, включая руки, поскольку перчатки она надевала лишь зимой. Она могла годами носить одно и то же платье (ткани были отличного качества и не снашивались): для нее важно было, что платье это удобное. Поэтому, как она, будто извиняясь, объяснила бабушке, ей нечего у нас заказать, кроме постельного белья: вся одежда уже была куплена или сшита за границей. Как я уже говорила, мисс много путешествовала, причем не только по Италии: каждые два-три года она ездила в Англию, а оттуда, взяв билеты на трансатлантический лайнер, – в Америку, возвращаясь через пару месяцев. Казалось, пересечь океан для нее – все равно что выехать за город на пикник в Светлый понедельник».

ДАША БЛАГОВА, «ТЕЧЕНИЯ» («АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Настя — девочка из небольшого поселка — стремится вырваться в Москву. В 2011 году ее мечта исполняется, она поступает на жуфак МГУ и оказывается в самом центре столицы.

Но разрыв с семьей и домом оказывается очень болезненным. В общении ее окружают такие же потерянные молодые люди, которые оказа-

лись вброшены в настоящее, разорвавшие связи с прошлым и не понимающие, что их ждет впереди. В родном поселке Настя была лучшей ученицей, абсолютным лидером, а найти место в новой жизни оказывается очень непросто.

Удивительно, но не менее потерянной оказывается и Настина однокурсница Вера — москвичка из богатой семьи. У девочек много общего — провинциальное детство, одиночество, эмоциональный разрыв с близкими. Девочки находят друг в друге столь необходимого каждой их них друга, но чем дальше, тем яснее становится, что это токсичная дружба. Роман «Течения» — и о жизненных руслах вчерашних подростков, которые теперь вынуждены самостоятельно прокладывать свои пути, и об общественных процессах 2010-х. Читатель, по авторской задумке, обладает сверхзрением: он знает, что будет дальше — не с героинями, но с обществом в целом. А потому наблюдает становление Насти и Веры совсем не так отстраненно, как мог бы в других обстоятельствах. Это, конечно, роман о поколении, о том самом поколении миллениалов, к которому принято в разговоре о литературе добавлять сравнение с Салли Руни. Но Благова — совсем не Руни, их, кроме возраста, мало что объединяет, потому что европейские 2010-е и российские — это совершенно разные контексты. И этот роман — одна из важных попыток осмысления исторического периода, который еще недавно был нашим настоящим и вдруг так внезапно и сокрушительно закончился.

«С переездом мне помогала мама. Рано утром мы вместе сели в поезд и повезли с собой южную жару. Плацкартный вагон быстро нагрелся и стал запекать внутри себя воздух, людей, их копченых кур, варенные яйца и сочащиеся маслом пирожки. Засыпая, я понадеялась, что, может быть, к ночи осталось еще немного родного воздуха, втянула в себя вагонное марево и сразу же провалилась в качающуюся черноту.

Когда я открыла глаза, снаружи тянулся серый день, а в окне рябили высокие среднерусские деревья. Проводница сообщила, что в Москве сегодня холодно и моросит. Пора доставать теплые вещички, добавила она. Перед тем как выйти на перрон, мы с мамой, по очереди прикрывая друг друга простыней, сменили шорты на джинсы, а майки — на свитера и ветровки».

АЛЕНСЕЙ ВАРЛАМОВ, «ОДСУН» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ»)

Одсун — изгнание. Изгнание судетских немцев после Второй мировой войны. Но роман Алленсея Варламова не столько о немцах. Они здесь — аналогия, параллель, метафора. Как они однажды потеряли свой «вишневый сад», так безымянный рассказчик примерно в наши дни утрачивает свой: дачу в Нупавне, где прошли лучшие месяцы не только его детства, но и всей жизни. Оказавшись в доме священника в Чьерне-над-Тисой, в городке, знаменитом тем, что когда-то Брежнев и Дубчен три дня сидели в местном Доме культуры железнодорожников, герой вспоминает свою жизнь, но, как всегда у Варламова, оказывается, что пытается осмыслить большую историю. Известно, что главный герой всю жизнь проработал в архивном отделе издательства. Архивные папки — доступная нам форма бессмертия. Первая любовь остающегося безымянным героя — Катя — из Припяти. Главный вопрос, который тревожит автора, — где точка невозврата в отношениях двух бывших советских государств — родной

для него России и родной для его первой и главной любви Украины. Ищет, и поиски эти отзываются в нем болью. И вновь вспоминается расколотый камень из детства, через трещину в котором можно потушить не горящий торфяник, но мировой пожар. Вообще тема изгнания, отторжения, одиночества оказывается чрезвычайно важной здесь: в пионерлагере Нати сторонятся, потому что она «радиоактивная», над Петей Павликом издеваются в Купавне и считают странным за его увлечения наукой и некоторую неотмирность. Тема изгнания судетских немцев прорывается не сразу и довольно внезапно, и тем не менее параллели для автора очевидны. Герой встречает около дома отца Иржи трех немцев, три поколения одной семьи — дочь, маму и бабушку, и становится ясно, что бабушка жила здесь до выселения, когда немцы были изгнаны, а Судеты спешно заселялись немцами. «Одсун» — история о прошлом, которое требует не просто памяти, но осмысления.

«Именно в “Тайвань” с самого утра к открытию отправлялся лучший философ курса. Очень скоро он сделался знаменит, получил прозвище Петр Тайваньский, к которому, в отличие от Канта, отнесся весьма благо-склонно, с ним дружили парни с разных факультетов, одни консультировали его, других консультировал он, и по сути Павлик мой превратился в некий параллельный по отношению к университету центр. Как объяснял он мне сам позднее, на одиннадцатом этаже ему в какой-то момент просто стало скучно, а на двенадцатый его не пропустили из-за избыточного веса. В истории, философии, гносеологии, логике, религии и атеизме, в этике и эстетике он все для себя уже понял и захотел узнать иное. “Тайвань” был идеальным для этого местом. Общаясь с самым разным народом — а кого там только не было: умников, дураков, диссидентов, мистиков, эзотериков, стукачей, книжников, бездельников и поэтов, — Петя без книг практически освоил программу всех факультетов и сам сделался университетом».

ЖАН-БАТИСТ АНДРЕА, «МОЯ КОРОЛЕВА» (POLYANDRIA NO AGE)

«Моя королева» — не то большая повесть, не то маленький роман французского прозаика и сценариста, лауреата Гонкурвской премии Жана-Батиста Андреа. Двенадцатилетний герой этой книги — особенный мальчик. Он отстает в развитии, а еще у него обсессивно-компульсивное расстройство. Поэтому он больше не ходит в школу, а работает на заправке в прованской глуши, там же, где живет с родителями, а перед сном всегда трижды включает и гасит свет в своей комнате. Он носит куртку с надписью «Шелл», и потому его часто зовут этим именем. Но однажды, после того как мальчик в очередной раз чуть не устроил пожар, он решает убежать на далекую войну, которую показывают по телевизору. Убежать, чтобы доказать всем, что он уже не ребенок, а мужчина. Где именно идет эта война, неизвестно, но, скорее всего, за самым высоким холмом. Несколько недель он проведет в заброшенной хижине и познакомится с Вивиан, которая станет его единственным другом и его Королевой. Он беззаветно ей предан и не может оценить, куда его ведет это подчинение. Это история взросления и принятия другого, разговор о границах нормы — как психологической, так и социальной, книга о выстраивании (пусть ненадолго) собственного мира, в котором действуют понятные и непреложные законы, о непроговоренной любви и стремлении к свободе, от которого часто становится больно.

«Навес, а под ним две колонки – вот и вся наша заправка. Раньше отец регулярно полировал насосы, но с возрастом и из-за малой проходимости перестал. Я скучал по блестящим насосам. Мне не разрешали их чистить, так как в последний раз я весь вымок и мать орала, что у нее и без того немало забот с ленивым мужем и умственно отсталым сыном. Мы с отцом не перечили, когда она свирепствовала. Конечно, у матери было много

работы, особенно в дни стирки одеревеневших от грязи комбинезонов. Конечно, стоило только взять в руки ведро, как вся вода выливалась прямо на меня. Я тут ни при чем. Оно само».

НАРМЕН МОЛА, «ЦЫГАНСКАЯ НЕВЕСТА» («СИНДБАД»)

Детектив с элементами триллера от испанской писательницы, за именем которой скрываются трое мужчин-сценаристов. Любителям жанра понравится, героиня яркая и харизматичная: Элене Бланко под пятьдесят, она ездит на красной «Ладе-Рива» и проводит вечера довольно отвязно. А днем расследует особо сложные преступления, вроде дела об изощренном и жестоком убийстве цыганской невесты после девичника. История страшная сама по себе, а тут еще есть отягчающее обстоятельство: несколько лет назад точно таким же способом и тоже накануне свадьбы была убита ее старшая сестра. Конечно, как положено хорошему детективному роману, исключительно линией расследования сюжет не ограничивается: есть история самой Элены и ее напарника Анхеля, который расследовал прошлое дело семилетней давности. Но тогда преступник был найден, он отбывает заключение, и подробностей дела никто не должен был знать: следователям предстоит выяснить, кто мог повторить преступление с такой точностью. В общем, чистый жанр со всеми его атрибутами: читается быстро, герои обаятельные, сюжет закручен лихо — скучно не будет.

«— Нелегко растить дочь, когда считаешь, что она должна быть свободной, принимать собственные решения и совершать собственные ошибки. — Мойсес говорил медленно, словно каждое слово причиняло ему страдания. — Теперь я сожалею об этом, я должен был воспитывать их в наших цыганских традициях. Я уже ошибся с Ларой, и только я виноват, что и с Сусаной случилось то же самое.

Сарате и Элена сообщили им скудные сведения о смерти дочери, сказали, что речь идет об убийстве, и предупредили, что, пока не придут окончательные результаты вскрытия, они не могут рассказать, как именно она была убита».

РИЧАРД РУССО, «ДУРАНОВ НЕТ» («ФАНТОМ ПРЕСС»)

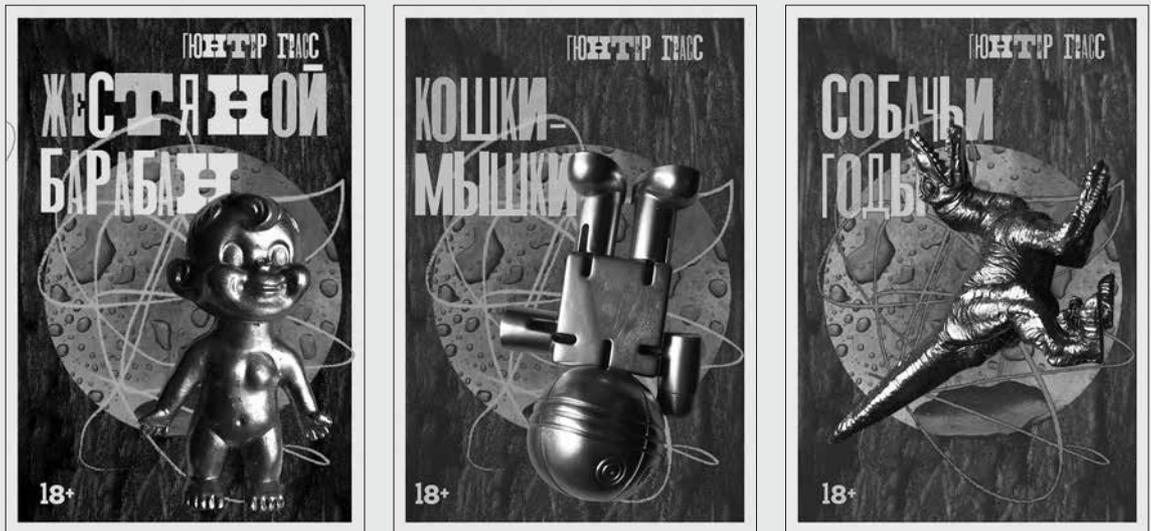
Еще один «большой американский роман» от автора «Эмпайр Фоллз» и «Непосредственного человека», который на самом деле иронизирует над самой формой большого американского романа. «Дуранов нет» написан в 1993 году, по нему вышел действительно хороший фильм с Полом Ньюманом и Брюсом Уиллисом, а книга на русский язык переведена только сейчас. Главный герой Дональд Салливан, которого все зовут просто Салли, снимает комнату у древней старушки в родном для него городке Норт-Бате, потому что отказался жить в доме, оставшемся от его отца (отношения были не очень). Он словно притягивает все возможные несчастья, да и отношения с собственным сыном у него не идеальные: сын не может простить, что однажды отец исчез из их с матерью жизни, и воспитывал мальчика отчим — неплохой, но отца заменить трудно. Городок живет без особенных новостей, все более или менее амбициозные люди из него разъехались, остались одни неудачники или те, кто уехать по каким-то причинам не может. Нижняя действительно объемная, разгоняется она очень медленно, но это,

нажется, нужно автору для того, чтобы создать эффект присутствия в этом городе-болоте, когда уже триста страниц позади, а мы еще просто слушаем шуточки и препирательства героев. Но в какой-то момент читатель и сам становится одним из таких добровольно оставшихся, непонятно почему: возможно, потому, что по-настоящему привязывается ко всем этим странным и нелепым людям. История Салли — свидетельство того, что в любой ситуации, даже в самой безнадежной, есть место для света. Что никогда не поздно оглядеться вокруг и попытаться что-то исправить. Наладить отношения с выросшим сыном и собственным внуком. Сказать кому-то, что он твой лучший друг. Увидеть, что жизнь продолжается.

«За полчаса до обеда они с Ральфом раздвинули стол, накрыли его белой льняной скатертью, которую Вера приберегала для праздников. Она достала фамильное столовое серебро, доставшееся ей от матери, — та умерла, когда Вера была ребенком. На обоих концах стола поставила по свече, зажгла их, погасила верхний свет и позвала всех в столовую. Каждому члену семьи Вера сказала, где сесть, Питер с Шарлоттой переглянулись, им это явно не нравилось, шлёпа занял стул во главе стола и отказывался слезать, кобыле Шарлотте пришлось перенести его на руках. Вера видела, что сына раздражает не только план рассадки гостей как таковой, но и ее план в частности: отец во главе стола, Питер напротив, а Ральф, за чьим столом они все собрались, где-то посередине, хотя Ральфу-то как раз все равно, где сидеть, лишь бы поближе к индейке».

ГЮНТЕР ГРАСС, «ЖЕСТЯНОЙ БАРАБАН»,
«НОШКИ-МЫШКИ», «СОБАЧЬИ ГОДЫ»
(«АЛЬПИНА.ПРОЗА»)

Знаменитая «Данцигская трилогия» нобелевского лауреата Гюнтера Грасса впервые на русском языке выйдет одной серией. Эти книги давно стали мировой классикой и при этом на русском языке продолжают оставаться библиографической редкостью: тиражей «Жестяного барабана» всегда не хватало всем тем, кто хотел его прочесть. Трилогию объединяет место действия — вольный город Данциг, который впоследствии стал польским Гданьском. «Жестяной барабан» — это роман-крин, его герой Оскар Мацерат, наблюдая происходящие в семье и обществе процессы, отказывается расти и говорить в трехлетнем возрасте: свое неприятие реальности он выражает с помощью барабанного боя. Его жестяные барабаны, которые регулярно обновляются, выращены в красно-белые цвета польского флага. С их помощью мальчик общается, и протестует, и задает ритм новой эпохе. Ключевой в романе становится тема убежища и укрытия. Его дед укрывается под юбками бабни, их дочь — мать Оскара — все детство играет в сооруженном отцом «домике». Наконец, сам Оскар то прячется под трибуной во время политического митинга, то укрывается от какой-то опасности под столом, под юбками, в шкафу. Оскар — ненадежный рассказчик, повествование постоянно перескакивает с первого лица, и тогда мы имеем дело с объективированным повествованием от третьего лица. Своим романом Грасс рисует картину порочного мироустройства, не просто жестокости, но бессмысленности войны. Для писателя очень важна барочная традиция карнавализации, и психиатрическое лечебное заведение, в котором лежит Оскар, становится главной метафорой мира романа. Оскара называют анти-

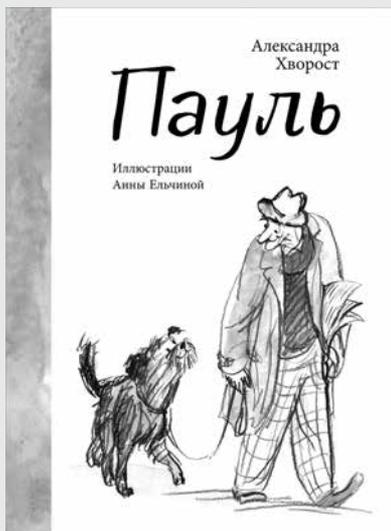

мессией (параллели с Христом в романе проводятся последовательно и явно), он не может никого спасти, напротив, он становится косвенным двойным отцеубийцей. Мальчик не способен на любовь или любое сильное чувство — только на протест и неприятие. Большая история творится под анкомпанемент нелепого карлика, выстукивающего на барабане свои ритмы. Дополнительный смысл этот образ приобретает в контексте того, что во времена Веймарской республики Гитлер называл себя барабанщиком нации.

Действие новеллы «Ношни-мышни» разворачивается в годы Второй мировой войны, ее герои — два друга — Пиленц и Йоахим Мальне, мальчики с общим детством и разной судьбой в военное время. В одной из сцен новеллы упоминается барабанящий на крыше мальчик. Эта книга, как и «Жестяной барабан», посвящена теме преодоления национал-социалистического прошлого через подчеркнута карнавализованную историю отдельных героев. Замыкает трилогию роман «Собачьи годы»: о довоенных, военных и послевоенных годах в Данциге, о том, как друзья детства становятся врагами, и превращении бывших нацистских функционеров в респектабельных чиновников нового времени. Трилогия, безусловно входящая в канон мировой прозы XX века.

«Еще до того, как задернулась гардина, закрывшая мое сознание, я мог убедиться в успехе своего эксперимента: умышленно сброшенные бутылки с малиновым сиропом произвели шум, достаточный для того, чтобы выманить Маццерата из кухни, мамушку — от пианино, остальную часть общества — с Вогезов в нашу лавку.

Но прежде чем подросли они, сам я успел поддаться запаху пролитого сиропа, удостовериться, что из головы у меня течет кровь, а вдобавок, когда они уже вступили на лестницу, поразмыслить над вопросом, что нагоняет на меня такую усталость — то ли кровь Оскара, то ли сладкий

сироп, и, однако, испытать величайшую радость, поскольку все удалось как нельзя лучше, а барабан, благодаря принятым мерам предосторожности, остался цел и невредим».

АЛЕКСАНДРА ХВОРОСТ, ИЛЛ. АННЫ ЕЛЬЧИНОЙ, «ПАУЛЬ» («ПОЛЯНДРИЯ»)

История для всех возрастов про дружбу старого человека и пожилой собачки, про спасение от одиночества и обретение настоящего друга на склоне лет. О постепенном обретении доверия, уважения, любви и привязанности. О потере и умении принять эту потерю. И о том, что жизнь того, кто остался, должна продолжаться — с сохранением памяти об ушедшем друге. Очень добрая, грустная и искренняя книга об утратах и не умирающих чувствах.

«Новый год!

Пауль подписывает открытки и насвистывает мою любимую мелодию.

Я кладу морду ему на колени и закрываю глаза.

— Все самое лучшее на свете стоит того, чтобы подождать, — говорит он.

И я с ним полностью согласен».

АНАСТАСИЯ СТРОНИНА, «ЛЕВ ТОЛСТОЙ: НИЧЕГО, КРОМЕ РАДОСТИ» («ННИЖНЫЙ ДОМ АНАСТАСИИ ОРЛОВОЙ»)

Лев Толстой глазами его младшего ребенка — ангела Ванечки, умершего за месяц до своего семилетия. Все вспоминают, что он был мудр не по годам и поражал окружающих неожиданными, тонкими и глубокими суждениями. Из всех его талантов способность к абсолютной любви была главным. Так и написана эта книга — с любовью, принятием и нежностью.

Детский взгляд непосредственный, его не застят взрослые условности, он способен видеть мир таким, как он есть, где белое не называется черным. Но Ваня рассказывает не только о тех событиях, непосредственным свидетелем которых он стал, он повествует о жизни своего великого отца с самого начала и до смерти на станции Астапово. При всей неожиданности хода с рассказчиком, который не мог видеть большую часть событий, о которых повествует, он оказывается очень удачным, потому что благодаря ему рождается тот самый доверительный и нежный тон, который ведет читателя через жизнь Толстого.

«Особенно хорошо я помню одного грустного человека из Москвы. Он жил в больнице для людей, у которых что-то случилось с душой. Одни пациенты были резкими и даже крушили и ломали все вокруг, кричали и махали руками, а кто-то, как мой знакомый, делался тихим и угасал с каждой минутой. Мы виделись с ним несколько раз: у нашего сада в Хамовниках с парком больницы была общая калитка. Там мы и встречались. Тот грустный человек сказал мне, что у него умер сын – маленький, похожий на меня. И что с тех пор жизнь для него перестала быть интересной и ценной. А я ответила ему, что вокруг еще много тех, кого можно любить. И что я буду любить его. Всякий раз я говорил ему, что люблю его как родного и что любви в каждом из нас столько, что если дать ей пролиться, то она станет целым океаном».

АННА РЕМЕЗ, «ПАБЛО ПИКАССО: МАЛЬЧИК ИЗ МАЛАГИ» («НИЖНИЙ ДОМ АНАСТАСИИ ОРЛОВОЙ»)

В серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография Пабло Пикассо. Анна Ремез выбирает нарратором самого художника, который рассказывает о себе детям. Получается доступно, интересно и совсем

нескучно. Иллюстратор Маша Пряничникова очень удачно поддержала текст картинками в духе мастера — картинки смотрятся аллюзией на его работы, но не скатываются в пародию и фарс. Истории детства, обучения, страсти к рисованию, умение творить искусство из всего и все превращать в искусство, рассказ о периодах творчества и основных мотивах. Но это книга не только о художнике, но о человеке и отце.

«Наблюдая за тем, как акробаты готовятся к номерам, Пабло восхищался их ловкостью, бесстрашием и трудолюбием. До отъезда из Барселоны Пабло написал много картин с печальными людьми, используя оттенки “грустного” голубого цвета.

А в Париже его картины потеплели, в них стало больше розового, желтого, светло-коричневого.

Но разве нет в цирке места печали?

И не грустит ли клоун, когда представление заканчивается?

Тогда ему часто не хватало денег на холсты, да и за еду приходилось расплачиваться картинками. И он иногда писал новую поверх той, что ему разонравилась».

